

Вокруг было лишь несколько маленьких послушников, ранних вставших на уборку. Лин Цзюнь с улыбкой кивнул им в знак приветствия, взял за руку маленького Сы Хуая и шаг за шагом спустился с алтаря.

Весть о том, что Божественный Дракон принял человеческий облик и был уведен наставником Шэнчанем, быстро разлетелась по всей Центральной равнине, затмив даже сенсационные слухи о наложницах императора.

Монах Лин Цзюнь вежливо отказался от присланного императором паланкина и вместе с красивым юношей с рожками на голове, шаг за шагом, пешком вернулся в Хуайинь.

Наставник Шэнчань был широко известен, а с ним и юноша — воплощение Божественного Дракона. Где бы они ни появлялись, они становились центром внимания. По пути им подарили столько вещей, что рук не хватало их держать; даже на шею повесили початки кукурузы и связки чеснока. В конце концов они благополучно добрались до храма Минхуа.

Десятидневный путь растянулся больше чем на полмесяца.

Лин Цзюнь с легкой досадой подозревал маленького монаха, охранявшего ворота. Снимая с себя ношу, он наставлял Сы Хуая:

— Это всё — проявление милости, которую нужно глубоко запомнить. Когда будешь молиться Будде, делай это с искренним сердцем.

— Но они просят меня, а я потом прошу Будду. Разве Будда ответит? И дел так много и все такие мелкие, не забудет ли Будда? Вот этот, что принес рис, просит, чтобы в семье родился здоровый внук, а тот, что принес чеснок, хочет найти потерявшуюся корову...

— ... — Лин Цзюнь едва заметно дернул уголком губа. — Амитофо. Будда милосерден и спасает все живые существа. Если сердце искренно, молитва будет услышана.

Несколько маленьких монахов рядом отвернулись, чтобы скрыть улыбки, но, получив от Лин Цзюня предостерегающий взгляд, поспешно и расторопно разобрали вещи, которые нес маленький Божественный Дракон.

Вовремя раздался удар деревянной дощечки, созывающей на обед. Монахи оставили свои дела и направились в заднюю часть Зала Великого Героя. Несколько маленьких послушников быстро поклонились Лин Цзюню, прижали к себе кучу вещей и бросились бегом так быстро, что следа не осталось.

Лин Цзюнь тихо вздохнул и повел Сы Хуая в трапезную, расположенную справа сзади от Зала Великого Героя.

Храм Минхуа получал пожертвования от императора, поэтому выглядел гораздо внушительнее обычных храмов; трапезная тоже была просторнее. Кроме монахов храма, здесь обедали и паломники, пришедшие помолиться или остановиться на некоторое время.

Когда они вошли в трапезную, настоятель как раз закончил чтение отрывка из сутры вместе со всеми.

Судя по привычкам Лин Цзюня, он мог по дороге в храм внезапно решить свернуть куда-то еще, чтобы путешествовать, поэтому никто не знал, что он сегодня вернется с легендарным маленьким Божественным Драконом. Почти сотня глаз уставилась на них, и Сы Хуай, чувствуя

себя неловко, поспешил спрятаться за спиной Лин Цзюня.

Лин Цзюнь обернулся, похлопал его по руке, подошел к свободному месту рядом с настоятелем и сел:

— Шисюн.

— Хм. Принеси для этого юноши стул...

Прежде чем настоятель успел отдать приказ, Сы Хуай уже сел рядом с Лин Цзюнем.

Стулья в трапезной были длинными скамейками, чтобы при большом количестве людей можно было уплотниться. Но места рядом с настоятелем и мастером Лин Цзюнем никто обычно не занимал. Настоятель задержал взгляд на юноше подольше, но ничего не сказал.

— Шисюн, ты задержался в пути. Императорский указ прибыл на следующий день после твоего отъезда из столицы. — Срочная курьерская лошадь оказалась быстрее даже почтового голубя.

Лин Цзюнь не спеша помешивал кашу в миске, не торопя собеседника.

— Как зовут этого юношу? — Настоятель улыбался очень доброжелательно, глядя на слегка сконфуженного Сы Хуая.

— Сы Хуай. — Он кратко отозвался, макнул белую булочку в кашу и отправил в рот.

— Хотя он принял облик юноши, его натура все еще детская. Только после долгого пути со мной он осмелился заговорить с незнакомцами, — добавил Лин Цзюнь.

— Императору известно, что он пошел с тобой добровольно, поэтому не стал удерживать его силой. Императорский указ прибыл в храм Минхуа с повелением хорошо заботиться о маленьком Божественном Драконе, помогать ему расти в духовных силах, дабы в будущем он мог принести благо государству.

Настоятель отложил еду и тяжело вздохнул:

— Лин Цзюнь, монаху следует отстраняться от мирской суеты и искренне стремиться к Будде. Я знаю, что ты добр и милосерден, пользуешься похвалой людей, и нынешний император лично пожаловал тебе титул наставника Шэнчань. Каждый год ты едешь в столицу, чтобы вести проповеди. Но не стоит вносить эти мирские дела в храм, превращая себя в монаха, погруженного в мирские дела.

— Шисюн, слова твои не совсем верны. Даосы практикуют магические искусства, буддисты — состояние ума. Не тот считается достигшим просветления высоким монахом, кто владеет буддийскими законами и посохом, но тому нужно чистое и высокое милосердное сердце. В сердце Лин Цзюня только Будда и все живые существа, неважно, уходит от мира или входит в него. Скрываясь в храме и искренне практикуя буддизм, помогая проходящим паломникам решать трудности — это добродетель. Действуя в мире, спасая народ из опасностей и бедствий — это тоже добродетель.

— Ладно. Если ты хочешь идти спасать мир, этот маленький храм тебя не удержит. Если хочешь спокойно практиковать дзен, то тебе и восемь сторон ветра не страшны.

Настоятель поднял глаза и огляделся. Пока они разговаривали, старшие монахи за их столом

уже поели и ушли. Тогда он поднялся, взял две булочки вместе с миской и сказал Лин Цзюню:

— Раз император приказал тебе вести его практику, учи его больше буддийским законам и состоянию дзен. В таком юном возрасте стать драконом и принять человеческий облик — это действительно хороший росток.

Лин Цзюнь тихо произнес «Амитофо»; было неясно, согласен ли он с похвалой в адрес «хорошего ростка». Только когда настоятель с двумя булочками исчез из виду в дверях трапезной, он повернулся к маленькому «ростку», который тыкал в булочку.

— Что не так? Не нравится?

— Угу. — Сы Хуай очень серьезно кивнул, моргнул и с обидой ребенка, которому не дали конфету, жалобно посмотрел на Лин Цзюня. — Я хочу мяса.

— ... — Лин Цзюнь спокойно отстранился от его взгляда, зачерпывая ложкой кашу. — Храм — место для чистого созерцания, откуда здесь взяться мясу?

— Но мы же принесли много мяса...

— Это тоже нужно раздать паломникам храма и помочь бедным семьям по соседству.

— Но ведь это явно...

— В храме есть правила храма. Тебе в будущем еще нужно учиться избегать зерна, нельзя постоянно думать о том, чтобы удовлетворить свой рот.

— Хорошо... — Маленький Сы Хуай надул губы, проткнул булочку палочками насквозь, представив, что это жареная курица, и сунул в рот, сухо жуя.

С тех пор как Сы Хуай был официально оставлен в храме Минхуа для практики с Лин Цзюнем, его то и дело запирали в комнате, посылали в павильон сутр читать и переписывать каноны, заставляли медитировать в зале дзен, бросали в павильон Лоханов драться с двенадцатью бронзовыми людьми или отправляли на заднюю гору тренироваться в легкой работе на столбах сливы...

Короче говоря, когда паломники с большим шумом и полной подготовкой приезжали в храм, чтобы увидеть истинный облик Божественного Дракона, часто ждали три-пять дней и не могли увидеть. Если же как раз попадали на момент, когда Сы Хуая выпускали, паломники радовались несколько дней, чувствуя, что им выпала удача, и при пожертвовании масла на лампы были гораздо щедрее.

Говорят, что годы в горах текут медленно. Хоть храм Минхуа и построен на склоне горы, курение благовоний процветает, неизбежно впитывая немного мирской атмосферы. В сопровождении ежедневных утренних колоколов и вечерних барабанов незаметно прошёл год.

За этот год духовные силы Сы Хуая значительно выросли, он уже мог скрыть рога и чешую на теле, полностью приняв человеческий облик.

Однажды Сы Хуай в приподнятом настроении выбежал из павильона сутр, в сердце повторяя несколько буддийских истин, осознанных после прочтения «Алмазной Сутры», желая получить похвалу от Лин Цзюня.

После того как он подпрыгнул и прошел немного, он вдруг почувствовал, что такие резкие движения могут вытряхнуть просветление из головы, поспешно сменил позу на спокойную ходьбу и из рта маленького послушника с выражением «увидел привидение» узнал, что Лин Цзюнь на кухне.

В храме после полудня не едят, солнце уже почти село, на кухне давно никого не было. Сы Хуай увидел через окно фигуру, занятую у котла, просто перепрыгнул через окно и крикнул:

— Лин Цзюнь!

Тот слегка повернул голову в профиль, промолчал на этот его зов.

Говоря о Лин Цзюне, ему было всего около двадцати лет, но он называл настоятеля шисюном, и у него был титул, лично дарованный императором, его положение в монастыре было очень высоким, он был фигурой уровня дяди или прадеда.

Хотя Сы Хуай практиковал рядом с ним, он не считался его официальным учеником, поэтому в обращении он всегда не знал, как провести границу. Иногда, как к обычному монаху, называл «учитель», иногда почтительнее — «мастер» или «наставник», когда строгий — «мастер Лин Цзюнь», а когда свободный или наедине без посторонних — прямо называл его имя дхармы.

Автор хочет сказать: Прошу оставлять отзывы, продолжайте любить меня *^_^*

<http://bllate.org/book/16805/1545804>